

Ленинград. Л., 1973. С. 314–317; Воронин С. Сберегли ли мы все... // Нева. 1982. № 9. С. 161; Воронин С. Книги Павла Васильева // Васильев П. Ребров [и др. повести]. Л., 1984. С. 438–445; Курбатов К. Парень в кепке: К 60-летию Павла Васильева // О лит-ре для детей. Л., 1989. Вып. 32. С. 53–56.

А. М. Любомудров

ВАСИЛЬЕВ Павел Николаевич [23.12.1909 (5.1.1910), уездный г. Зайсан Семипалатинской обл.— 16.7.1937, Москва] — поэт, прозаик, переводчик.

Родился в семье школьного учителя, отец которого был выходцем из сибирского линейного казачества. Детство и юность связаны с казахстанскими городами Атбасар, Петропавловск (здесь поступает в 1-й класс) и Павлодар, где оканчивает школу. Творческая фантазия пробуждается под влиянием сказок деда Корнилы Ильича и бабушки Марии Федоровны (со стороны отца), а также чтения книг, к которому пристрастился под влиянием матери Глафиры Матвеевны, дочери мелкого павлодарского купца М. В. Ржанникова. Книжным миром навеяны и первые поэтические опыты В.-подростка, названные им «призрачно-красивым сном» (зарифовка отдельных страниц романа А. Дюма «Графиня Монсоро»; послания героиням сердца «Лан-

П. Н. Васильев

ни», «Мариэм»; элегические пробы — «**Как этот год еще пройдет года...**» и эпиграммы на близких). Однако уже и здесь сквозь лит. красоту проступают реальные картины родного Прииртышья.

По окончании в июне 1926 девятилетки В. уходит из дому и направляется во Владивосток (с намерением поступить в Дальневосточный ун-т); по прибытии знакомится с Р. Ивневым — руководителем поэтической секции основанного в 1919 Д. Бурлюком и Н. Асеевым «Лит.-худож. общества». Здесь он выступает со своими стихами, получившими положительную оценку. Р. Ивнев посвящает ему «Акростих» с многозначительным признанием: «В глаза веселые смотрю, / Ах, все течет на этом свете. / С таким же чувством я зарю / И блеск Есенина отметил...» Вскоре начинает печататься в ж. «Сибирские огни» и местных газ. 1928 В. вместе с поэтом Н. Титовым проводит в странах по Сибири и Дальнему Востоку, результатом чего становятся 2 очерковые книги: «**В золотой разведке**» (1930) и «**Люди тайги**» (1931), написанные в свободной лирической манере. Автор любит в них сильными характерами сибиряков, суровой природой их края. Занимается также собиранием близкого ему с детства казахского фольклора. Часть этого материала в свободной обработке и переводах В. включает в изданный в 1932 сб. «**Песни киргиз-казаков**» (переводы). Инонациональная, восточная культурная стихия органически вливается в поэзию В., создавая своеобразную полифоничность его худож. мира.

В 1928 В. встречается в Омске с Г. Анучиной, которая становится его первой женой, а в творчество поэта с преобладавшими в нем доселе поэзией природы, родного края и очерковой прозой вторгается сильная струя любовной лирики: «**Так мы идем с тобой и балагурим...**» (1930), «**Имя твое словно старая песня...**» (1931), «**Вся ситцевая, летняя приснись...**», «**Я боюсь, чтобы ты мне чужою не стала...**» (1932).

В 1929 В. начинает работу над поэмой «**Песня о гибели казачьего войска**», повествующей о трагической судьбе в Гражданскую войну белоказачьей армии атамана Б. А. Анненкова. Поэма успевает выйти только отрывочно; полной публикации, запланированной в «Новом мире» на 1932, препятствует арест поэта по т. н. «делу сибирских писателей». Арест повлек за собой запрещение не только «Песни», но и готовой уже к выпуску книги стихов «**Путь на Семиге**» и ряда последующих книг.

Тем не менее уже опубликованные произведения, да и сама своеобразная, яркая личность В., дают современникам повод признать в нем большого поэта. Но оценки поэзии В. оказываются крайне противоречивыми. Отмечается прежде всего сама выразительная внешность поэта, красоте которой в воспоминаниях современников отдается самая щедрая дань (см. «Воспоминания о Павле Васильеве»): «Он был красив, статен, я влюбилась в него с первого взгляда» (Г. Анучина); «Был он удал и красив широкой русской красотой» (М. Скуратов). Отмечается вместе с тем в красоте В. и некоторая странность: «Синие глаза Васильева, тонкие ресницы были неправдоподобно красивы, цепкие пальцы неправдоподобно длинны» (В. Шаламов), и даже некий диссонанс: «Павел был красив, но не классической красотой. В нем было и притягательное и отталкивающее» (А. Суров). В качестве последнего упоминается некое выражение своеобразия, «хищности». О «хищном разрезе зеленоватых глаз», о «властном очертании рта» В. упоминает Н. Кончаловская. Другой современнице он также запомнился «яркими глазами с неожиданно озорным, жестким, недоверчивым и недобрим выражением» (Г. Серебрякова). В целом же современниками зафиксировано довольно сложное восприятие впечатляющего облика В.: «Глаза ярые, поначалу кажутся шалыми, диковатыми, а потом детскими, даже растерянными... Во взгляде сперва заметна лихость, потом грусть, может быть, и отчаянье, скорее решимость... По скулам сновали неприметные молнии. Что они означали? Горд, самолюбив — а как же. Характер!» (Л. Озеров). Что же касается последнего, то он в тех же воспоминаниях определяется эпитетами «мятежный», «дерзновенный», «вызывающе-яркий», что выступает прямым выражением основных черт национального русского характера — широты, удалы, «половодья чувств», «удесятеренного чувства жизни» (К. Зелинский), о чем лучше всех высказался сам поэт: «Я, детеныш пшениц и ржи, / Верю в неслыханное счастье, / Ну-ка, попробуй, жизнь, отвяжи / Руки мои / От своих запястий!» («Одна ночь», 1933).

Наиболее творчески близкими становятся для В. новокрестьянские поэты, с которыми его объединяет и социальное происхождение, и поэтизация стихийного мира (крестьянство — казачество — природа) в его противопоставлении городу и шире — урбанизму, а также всепоглощающая любовь к России с ее историей и самобытным складом души. Все это дополняется личной дружбой.

С. Клычкову принадлежат слова о нем как о поэте, с приходом которого в новокрестьянскую поэзию «завершается период романтический» и наступает «новый период» — «героический» (Новый мир. 1989. № 9. С. 212). Назвавший В. «нашим соколом» Н. Клюев берет его под защиту в своей инвективе «Клеветникам искусства» (1932) наряду с С. Есениным, С. Клычковым и А. Ахматовой (поэтами, наиболее подвергавшимися травле со стороны партийной критики). Н. Клюев характеризует В. как многообещающего своего ученика, испившего клюевского «раскольничьего зелья»: «Полены сноп, степное юдо, / Полуказак, полукентавр, / В чьей песне бранный гром литавр...» Сам В. наиболее близким себе по духу из поэтов-новокрестьян считал Есенина, названного им «князем песни русския». Воспринявший «физически осязаемую образность» стихов Есенина, В. отмечал и свое существенное отличие от него: «Есенин свои образы по яголке собирал, а мне нужно, чтоб сразу горсть». Как и Есенин, В. в разработке эпоса опирается на фольклор. Таковы одинаково построенные на основе народной песни «Песнь о великом походе» Есенина и «Песня о гибели казачьего войска» В. В отличие от одического пафоса есенинской песни у В. преобладает траурное — от реквиема — начало: поэт сочувствует гибели прииртышского казачества, а в Гражданской войне видит величайшую национальную трагедию. В. в некоторой степени подражал Есенину даже в богемном поведении, слухи о чем выудили М. Горького в статье «Литературные забавы» (1934) написать: «Жалуются, что поэт Павел Васильев хулиганит хуже, чем хулиганил Сергей Есенин». Наиболее выразительную характеристику В. по отношению к Есенину (вместе с Маяковским) дал позже Б. Пастернак: «Он был сравним с ними, в особенности с Есениным, творческой выразительностью и силой своего дара, и безмерно много обещал, потому что в отличие от трагической взвинченности, внутренне укоротившей жизнь последних, с холодным спокойствием владел и распоряжался своими бурными задатками. У него было то яркое, стремительное и счастливое воображение, без которого не бывает большой поэзии и примеров которого в такой мере я уже больше не встречал ни у кого за все истекшие после его смерти годы» (цит. по: Бондина Л. Неумною песней звенеть... // Лит. Россия. 1964. 11 дек.). Со стороны господствующей идеологии В. получал однозначно негативную оценку, как, впрочем, и все крестьянские поэты: «Клюев и Клычков,

а частично Орешин и Есенин, равно как и подражавший им поэт Павел Васильев немало потрудились над тем, чтобы привить советскому читателю любовь к кулацкой орнаментике...» (Селивановский А. Очерки по истории русской советской поэзии. М., 1936. С. 130). С новокрестьянскими поэтами В. объединяет и общая трагическая судьба.

Поэзию В. отличает чрезвычайно живописная энергия слова, достигающая в изображении всего материального и плотского впечатления физиологической остроты: цветы предстают здесь «четверорогими, как вымя», а женская красота — «излучающей чары своего телесного избытка: «Будто свечи жаркие тлятся, / Изнутри освещая плоть, / И соски, сахарясь, томятся, / Шелк нагретый / Боясь проколоть» (**«Соляной бунт»**). Под стать словесно-образной системе и напряженно-яростная интонация поэтической речи, которую чаще всего составляет свободный дисметрический, полиметрический стих — близкий народному раешному стиху фразовик (Выходцев П.— С. 74–79 и др.).

В. является творцом необычайно выразительного национально-колоритного эпического мира, в центре которого свирепое столкновение двух расколотых «классовой» борьбой станов. Вслед за «Песней о гибели казачьего войска» им создается поэма «Соляной бунт» (1933) — об усмирительной роли казачества по отношению к «инородцам» и внутреннем расколе в нем самом (единственное поэтическое произведение В., вышедшее при жизни поэта в 1934 отд. книгой). Современниками поэзия В. была встречена неоднозначными оценками; признание таланта и мастерства сопровождалось высказываниями о ее «псевдонародности» и предсудительном воспевании старой кулацкой деревни (статьи С. Усиевич «На переломе», «От чужих берегов», В. Катаняна «Богатство поэта», О. Бескина «На новую дорогу» и др.). Еще через год выходит поэма «**Синицын и К°**» — о становлении русского капитала и его крушении в революцию, в 1936 — поэма «**Кулаки**», посвященная трагическим событиям в деревне по горячим следам коллективизации.

В 1933 В. оставляет Г. Анучину и женится на Е. Вяловой, сестра которой замужем за главным редактором правительственной газ. «Известия» и ж. «Новый мир» И. М. Гронским. В. поселяется с новой женой у него на квартире, становясь полноправным жителем столицы и ее модным, шумным поэтом. И. Гронский охотно печатает его в своем журнале. Однако отзывы в прессе и выступ-

ления лит. общественности на все опубликованное В. по-прежнему носят преимущественно отрицательный и даже ругательный характер. Уже в опубликованной в 1929 в новосибирском ж. «Настоящее» (№ 10) заметке Г. Акимова «Куда ведет богема (факты и документы)» о В. говорилось как о «контрреволюционере, враждебном советской власти и революции», как о «классовом враге». В дальнейшем, в условиях жестко проводимой кампании коллективизации и раскулачивания, эта оценка только усугубляется. В. оценивают как выразителя «звериного-шовинистического, свирепо-собственнического мира», его называют «нутряком» (за глубокий психологизм образов) и даже «помесью бездари с кулацко-богемной идеологией». Его талант признается с неизменной поправкой «чужой», «не способствующий развитию действительно пролетарской поэзии», новаторство В. «буржуазно» (Дементьев Н. Поэзия и жизнь // Октябрь. 1933. № 9. С. 179).

Усиленно раздуваемые слухи о «реакционности» творчества В. и его хулиганском поведении доходят до М. Горького, который сразу в нескольких газ. публикует статью «Литературные забавы», где подвергает резкой критике В. (в числе др. молодых литераторов). Критика Горького сопровождалась далеко идущими обобщениями: «Расстояние от хулиганства до фашизма короче воробьиного носа». Мн. ж. и газ., за исключением «Известий» и «Нового мира», для В. закрываются. Несколько обнадеживающе прозвучала оценка, данная его творчеству на I съезде писателей в 1934 Н. Бухарину, назвавшим В. «чрезвычайно красочным, „нутряным“, с исключительно большими поэтическими возможностями» поэтом. Но и здесь не обошлось без известной поправки: «Почетное место в нашей поэзии» он займет только в том случае, «если ему удастся обломать в себе острые углы собственнической дикости и окончательно причалить к социалистическим берегам» (Бухарин Н. Поэзия, поэтика и задачи поэтического творчества в СССР. М., 1934. С. 61).

В янв. 1935 В. исключается из СП СССР, а в июле этого же года подвергается аресту и суду за участие в скандале, спровоцированном комсомольским поэтом Д. Алтаузенном. Весной 1936 В. освобожден и отправляется в поездку по Сибири. 6 февр. 1937 снова арестовывается в числе группы московских писателей по сфабрикованному обвинению в антиправительственном заговоре. В процессе дознания с применением пыток следственные органы НКВД добиваются от «сообщ-

ников» В., а затем и от него самого признания в том, что он намечался на роль исполнителя террористического акта против Сталина. (См. об этом: Куняев С. «Дело» Павла Васильева.)

Одновременно с разыгрыванием этого кровавого спектакля в застенках НКВД в прессе публикуется серия статей, обличающих В. как «заклятого врага советской власти» (В. Ставский), «хулигана и контрреволюционера» (В. Кирпотин).

Расстрелянный 15 или 16 июля 1937 В. был посмертно реабилитирован в 1956 «за отсутствием состава преступления».

Соч.: Соляной бунт. М., 1934; Избранные стихотворения и поэмы. М., 1957; Стихотворения и поэмы. Л., 1968. (Б-ка поэта. Б. серия).

Лит.: Михайлов А. Степная песнь: Поэзия Павла Васильева. М., 1971; Выходцев П. Павел Васильев: Очерк жизни и творчества. М., 1972; Васильева Н. «Звезды российского снега...» // Сибирские огни. 1989. № 12; Воспоминания о Павле Васильеве. Алма-Ата, 1989; Куняев С. Уроки одной судьбы // Москва. 1991. № 3; Туманский Е. Павел Васильев, каким его не знали... Самара, 1992; Посулила жизнь дороги мне ледяные... [«Дело» Павла Васильева. 1937] // Куняев Ст., Куняев С. Растерзанные тени. М., 1995; Куняев С. С. Русский беркут. М., 2001; Гронская С. Некоторые дополнения к посмертной биографии Павла Николаевича Васильева // Наш современник. 2001. № 12; Павел Васильев: Материалы и исследования. Омск, 2002.

А. И. Михайлов

ВАСИЛЬЕВА Лариса Николаевна (печаталась под псевдонимом Василий Старой) [23.11.1935, Харьков] — поэт, прозаик, публицист.

Родилась в семье конструктора Н. Г. Кучеренко. Ее отец был одним из создателей легендарного танка Т-34. Во время войны В. с родителями жила на Урале, где было налажено производство танков. Стихи она начала писать с детства, одно из первых стих. было опубликовано в газ. «Пионерская правда». Окончила филол. ф-т МГУ в 1958. Печтается с 1957. Первые «взрослые» стихи В. увидели свет в ж. «Юность», «Молодая гвардия», «Москва».

6 лет (с 1960) жила в Лондоне, где ее муж, Олег Васильев, работал корреспондентом газ. «Известия». Перу В. принадлежит книга **«Альбион и тайна времени»** — серия очерков об Англии. Очерки представляют собой живые зарисовки быта англичан, разных житейских ситуаций. Книга открыла в писательнице одаренного прозаика, обла-

Л. Н. Васильева

дающего пронциательностью, тактом, чувством юмора и незаменимым для автора заметок умением, отталкиваясь от «частного» эпизода или характера, органично перейти к «общему» — созданию своего образа совр. Англии и типичного англичанина.

После возвращения из Англии В. 2 года посещала поэтический семинар С. Наровчатова в Лит. ин-те им. М. Горького. С. Наровчатов рекомендовал к изданию первый сб. стихов поэтессы **«Льняная луна»**. Сб. появился в изд-ве «Молодая гвардия» в 1966. Все стихи сб. посвящены описанию природы и естественных чувств — любви, разлуки, печали утрат. Молодая поэтесса определяет содержание своей поэзии в стих. **«Четыре темы у меня»**: «Четыре темы у меня, / Четыре мрака и огня: / Любовь, судьба, война, мечта; / И каждая простым-проста, / И каждая старым-стара, / Предмет гусиного пера / И камня острого предмет, / Что на стенах оставил след. / Все сказано давным-давно, / Все выяснено, решено, / Зачем, когда темным-темно, / Четырежды стучат в окно. / Я отворяю, я горю, / Не повторяю, а творю / Свой мир — четыре стороны / Любви, судьбы, мечты, войны».

Поэтесса уходит от некоторой прозаичности и «клишированности» поэтического языка, обогащает классические традиции русской лирики характерным сплавом высокой филол. культуры, остро актуализированного худож. сознания и фольклорной образности.